

**Все события вымышлены
Любые совпадения случайны**

ГЛАВА 1

Человек в лесу

*Нужно уметь уживаться
со своим прошлым.*

Мадонна

Наши дни

В лесу родилась елочка... В лесу она росла... Почему-то строки именно этой старой, основательно забытой детской песенки вспомнились Васе при виде мелькающих за окном вагона елей, подкрадывающихся к самому краю железнодорожной насыпи и стремительно, будто в испуге, отбегающих подальше от грохочущего поезда.

На самом деле Васю звали Василисой. Таким чудным именем, заставляющим упражняться в остроумии всех без исключения знакомых, ее тридцать лет назад наградили мама с бабушкой. Имя досталось ей в наследство от деда, умершего задолго до ее рождения. Бабушка обожала мужа, а мама — отца, и оттого, что в их домике по-прежнему звучало нежное «Васенька», бремя невыносимой утраты становилось чуть легче. Именно поэтому дочка и внучка была не в претензии, что ее кличут как соседского кота. Вася так Вася.

В конце концов, с ней в одном классе училась девочка, которую звали Анжелика Егоровна, а на год старше — Инесса Степановна, что, на ее взгляд, звучало гораздо смешнее, чем Василиса Александровна. Какого Александра мама вписала в ее метрику, она не знала. Отца у Василисы не было. Сколь-

ко она себя помнила, они всегда жили втроем. Она, мама и бабушка.

За окнами промелькнули сказочные голубые купола Сергиева Посада. Эту часть дороги от своего города до Москвы Василиса любила больше всего. Поезд выезжал со станции, убыстрялся, набирая ход, и пассажирам открывался чудесный вид на зеленые лощины, покрытые редкими перелесками. Рельеф здесь был холмистый. То высоко-высоко над головой, наверху отвесного котлована, по дну которого мчался поезд, оказывались деревья, то, наоборот, насыпь стремительно взмывала чуть ли не в небо, и теперь уже зеленые поля и перелески виднелись внизу, уплывали под ногами, как в фантастическом фильме.

У-ух, и снова поезд оказывался в глубокой яме, устремляясь к центру земли и теряя последнюю надежду на спасение. А-ах, и снова взмывал вверх, открывая везде, куда хватало глаз, необъятную зелень простора. В какой-то момент холмы кончились, дорога выровнялась, следить за происходящим стало менее интересно, и Василиса предалась другой своей любимой поездной забаве – сквозь оконное стекло пыталась высмотреть в мелькавшей лесной чаще гриб на опушке.

Однажды, когда Вася была маленькая, они ехали на море, в Крым, и мама тоже как зачарованная смотрела в окно и вдруг закричала: «Гриб, гриб!» Василиса метнулась к окну так стремительно, что стукнулась с мамой лбом, ойкнула, схватилась зашибленное место и вдруг тоже увидела толстый упитанный боровичок, спрятавшийся в траве у крайней березы. Это казалось невозможным на той скорости, на которой мчался поезд, но они это видели, и с тех пор, когда Василиса ехала куда-то по железной дороге в светлое время суток и летом, она всегда высматривала гриб, наверняка

встречающий ее у насыпи, чтобы передать привет из детства. Правда, увидеть его во второй раз у нее пока не получалось.

Густой лес за окном поредел, готовясь смениться очередным лугом, посредине которого, как помнила по прошлым поездкам Вася, располагалась довольно большая и явно жилистая деревня. Просветы между деревьями становились все больше, поезд немного снизил скорость, подчиняясь приказу неведомого пассажирам диспетчера, и между стволов Василисы отчетливо разглядела что-то большое и темное.

Вначале ей показалось, что это лось. Как человек, который родился и вырос в деревне, она прекрасно знала, что в начале июня у лосей гон. Появляются на свет маленькие лосята, им становится тесно в лесу, они выходят к насыпям автомобильных дорог и к железнодорожному полотну тоже. Правда, мчащиеся мимо поезда, грохочущие колесными парами, их не на шутку пугают, так что увидеть лосей можно только как сейчас, в промельке между деревьями. А вот автодороги, запах бензина и горящие фары машин привлекают их гораздо сильнее, так что и аварий, уносящих человеческие жизни, в это время года довольно много. Гораздо больше, чем хотелось бы.

Об этом Василисы знала не понаслышке, потому что работала врачом-анестезиологом в областной больнице да еще подрабатывала на «Скорой», так что последствия этих самых аварий видела каждое дежурство.

Поезд снова увеличил скорость, разгоняясь, из окна вагона уже не видно было оставшегося позади леса, когда в сознании Василисы вдруг что-то щелкнуло, пазл сложился, и она поняла, что увиденное ею большое и темное на самом деле было человеком, ничком лежащим на траве, уткнувшись головой в ствол березы.

Василиса Истомина была врачом. Несмотря на ее молодость, понятия «врачебный долг» и «клятва Гиппократ» не были для нее пустым звуком, анахронизмом, давно вышедшим из обихода однокурсников и коллег и оставшимся в далеком прошлом, когда врачи еще действительно лечили, а не заполняли талоны статучета, чтобы отчитаться перед Фондом обязательного медицинского страхования.

Человек, лежащий в лесу, нуждался в медицинской помощи, а потому, вскочив со своей полки и бросившись к купе проводника, она даже не подумала о том, что увиденное грозит лично ей какими-то неприятностями. Впрочем, если бы и подумала, то все равно поступила бы точно так же.

– Вызовите начальника поезда! – бахнула она с порога, заставив пожилую и очень тучную проводницу посмотреть на нее в немом изумлении, тут же сменившемся подозрением.

– Что случилось? – лениво, но с зарождающейся агрессией спросила проводница, глядя на взволнованную блондинку с короткой стрижкой.

– Нужно сообщить на ближайшую станцию. Там в лесу человек. Ему плохо. Нужно «Скорую» вызвать или спасателей.

– В каком лесу, девушка? Вы что, белены объелись?

– Я видела в окно, что в лесу лежит человек. Предположительно без сознания. Я врач, я понимаю, о чем говорю, – нетерпеливо продолжила Василиса, начиная бояться, что ей не поверят. – Это было сразу перед последней деревней. Сообщите, пожалуйста. Возможно, ему можно помочь.

Несмотря на маленький рост и сублильную внешность, Василиса Истомина обладала решительным характером, доставшимся ей, как и имя, в наследство от деда. Благодаря ее железной воле был вызван начальник поезда, который выслушал историю про увиденного в лесу человека, позво-

лил себе усомниться, что на такой скорости неумная пассажирка могла что-то рассмотреть, но все же связался по имеющейся у него связи со станцией и передал необходимое сообщение. Данные слишком активной пассажирки он тщательно записал в блокнот. Василиса послушно продиктовала, как ее зовут, дала номер телефона и указала место работы.

– Теперь все, – недовольно бросил начальник поезда шебутной пассажирке, из-за которой чувствовал себя довольно глупо. Врач она, видите ли. И чего не сидится спокойно?

– Спасибо вам большое, – вежливо сказала Василиса, довольная тем, что выполнила свой долг. – Возможно, мы с вами спасли чью-то жизнь.

«Точно, ненормальная, – начальник поезда проводил взглядом хрупкую фигурку, скрывшуюся за дверью купе, и, выразительно посмотрев на проводницу, покрутил пальцем у виска. – Хотя – чем черт не шутит? Вдруг и впрямь не померещилось ей».

1941 год

Вася просыпался плавно, будто не торопясь, всплывал на поверхность после глубокого нырка. Еще шумела в ушах вода, еще не разлипались глаза, не пуская непрошеные капли, стекающие с мокрой после реки головы, где-то на берегу звонил колокол, раскачиваемый прибежавшими на речку мальчишками, балующимися на колокольне заброшенного храма, когда он рывком сел на кровати, помотал головой, отгоняя сонную одурь, и посмотрел на часы.

На часах было без десяти двенадцать. Спать до полудня ему было в диковинку, но и лег он около шести утра. Вчера

в медицинском институте, который он окончил с отличием, был выпускной вечер. Сначала молодым врачам вручили выстраданные дипломы о высшем медицинском образовании, потом звучали торжественные речи под большим портретом товарища Сталина, которому они были обязаны не только своими дипломами, хрустящими коленкоровыми корочками, но и всем хорошим в своей молодой, но полной надежд жизни.

Потом пили сельтерскую воду с сиропом, ели пирожки с картошкой и вареньем, танцевали под патефон, а позже пошли бродить по Ленинграду, наслаждаясь молодостью, брызжущей через край энергией и белыми ночами.

По традиции посмотрели на развод мостов, искупались в ночной Неве, перелезли через решетку Летнего сада, просто так перелезли, дурачась и веселясь, а потом с хохотом убежали от сторожа, длинно дующего в свисток.

Как-то незаметно все разбились на парочки. За годы обучения пар на их курсе сложилось немало. Влюбленные шушукались, целовались, держались за руки, и Васе стало немного грустно от того, что его трудная любовь остается безответной.

Ее звали Анна Битнер. Белокурая, статная, она жила неподалеку от Васи и была старше его на три года. С ее точки зрения, это обстоятельство делало роман между ними невозможным. Вася же считал, что это форменные глупости, и продолжал ухаживать за фройляйн Битнер со всем пылом, на какой только был способен.

Василий Истомин был хорош собой: высокий, атлетически сложенный, с густыми темными волосами и ясными серыми глазами, обрамленными пушистыми ресницами, которым завидовали многие девчонки, он вызывал неизменный

интерес у женского пола. Он знал, что по нему сохнут как минимум три однокурсницы, девственником давно не был, регулярно наведываясь в общежитие ткацкой фабрики, но по-настоящему ему нравилась только Анна.

Она была младшей сестрой его друга детства Генриха Битнера. Сколько Вася себя помнил, Генрих всегда находился рядом – высокий, худой, нескладный, немного сутулый. Разница в десять лет их обоих нисколько не смущала. Рассудительный отличник, пионер, затем комсомольский активист Василий Истомин, отличающийся богатырским здоровьем, иногда выглядел даже старше своего худосочного, болезненного друга, не мечтавшего о высшем образовании и после семилетки устроившегося на фабрику «Скороход», где он и работал уже восемнадцать лет. Полгода назад Генрих женился. Его жена, маленькая, кругленькая, очень хозяйственная и домовитая немка Магда, относилась к мужу немного покровительственно.

Дом Истоминых располагался на Александровской, в 1940 году переименованной в Печорскую. Практически за углом находилась колония Гражданка, в которой оседло жили немцы. Маленький, аккуратный, уютный домик семьи Битнер и домик родителей Магды Шеффер стояли по соседству. Здесь практически не чувствовалось дыхания большого города, величественный Ленинград высился немного в стороне, а здесь, на Гражданке, разводили коров и свиней, распахивали картофельные поля и сажали огороды.

Трудно было найти двух более непохожих людей, чем Генрих и Вася, однако дружили они крепко, всегда находя темы для разговоров. В семье Битнер много читали, и как, ни стыдно Василию было в этом признаваться, знакомству с великой русской литературой он был обязан немецкой семье

своего друга. Также от Генриха он узнал про Гёте и Гейне, Шиллера и Райнера Марию Рильке. Многих из них Василий прочел в подлинниках, потому что благодаря Генриху бегло говорил по-немецки. Точнее, благодаря Анне, которая, дразня его, часто переходила на немецкий. Проявив упорство, он выучил его, чтобы говорить с ней на родном для нее языке. Всегда, когда он думал про Анну, он почему-то вспоминал белые ночи. Она была неуловимо похожа именно на белую ночь – светлую, немного томную, полную невыразимого очарования, ускользающую и заставляющую вспоминать о себе весь следующий год.

Поймав себя на том, что мысли привычно соскочили на Анну, Вася снова помотал головой и спустил ноги с кровати. В дверь стучали. Колокол из сна, разбудивший его, оказался настойчивым, повторяющимся, тревожным стуком в дверь, распахнув которую Василий уставился во взволнованное лицо Генриха Битнера.

– Ты чего? – добродушно спросил он, отступая в прихожую, чтобы друг мог пройти. – Случилось чего? Да ты заходи. Я просто только проснулся. Выпускной отмечали до утра. Генка, да что с тобой, на тебе лица нет!

– Война, – с трудом выговорил бледный Генрих, губы которого прыгали, не в силах выговорить ужасное слово. – Сегодня в четыре часа началась. Германия бомбила территорию Советского Союза, по радио объявили. Васька, что же теперь будет, а? – и, не в силах сдержаться, Генрих заплакал, размазывая слезы по лицу не очень чистым кулаком.

– Вот черт! – Василий тоже сжал руку в кулак и стукнул по дверному косяку с такой силой, что на пол посыпалась какая-то древняя труха. – Плохо будет, Генка. Война – это

всегда плохо. Ч-черт. Надо в военкомат идти. Я же военно-обязанный.

– Нас всех убьют. – Генрих всхлипывал, дрожа.

– Да ладно тебе. Мы, несомненно, победим. Война будет короткой. Месяц, максимум полгода. Ты же знаешь, что Красная армия – самая непобедимая в мире. Все хорошо будет, Генка.

– Ничего не будет хорошо. – Генрих уже не плакал, только крупная дрожь по-прежнему сотрясала его тело. – Особенно у нас. Мы же немцы, ты что, Васька, не понимаешь? Нас всех арестуют. И отца, и маму, и меня, и Магду, и Анну.

Слово «Анна» отозвалось в груди Василия болезненным толчком сердца, запрыгавшего в ускоренном темпе, что оно, впрочем, делало всегда при упоминании этого имени. К остальным словам Генриха он, что называется, не пристал, потому что они казались ему невыносимой глупостью.

– Да брось ты, – миролюбиво бросил он. – Никто вас не арестует, вы же к Гитлеру никакого отношения не имеете. Тебя по состоянию здоровья даже в армию не возьмут. Так что останешься в Ленинграде вместе с молодой женой. Заодно и за Анной присмотришь.

– Зря она за тебя замуж не выходит! – неожиданно бухнул Битнер, и сердце Василия снова заметалось в груди, как подстреленный заяц. – Дура она, счастья своего не понимает. Ты бы был ей хорошим мужем.

– Чего сейчас об этом говорить, – голос Васи звучал по-прежнему спокойно. – Меня-то точно в армию заберут. Так что свататься приду уже после войны. Глядишь, не выгонит. Ладно, ты иди сейчас, Генка, я быстро соберусь и в институт сгоняю, узнать, что к чему.

До выхода из дома пришлось не только наскоро умыться и выпить чаю, но и дать корм пороссятам, которые жалобно пищали на дворе, не понимая, почему хозяин так припозднился их кормить. Вообще-то это была не его забота, но неделю назад родители уехали в Белоруссию, проведать жившую там бабушку, и все заботы по хозяйству легли на Васины плечи.

Включив радио и прослушав повторяющееся с утра сообщение, зачитываемое диктором Левитаном, он с тревогой подумал, что немцы с утра бомбят как раз территорию Белоруссии.

Отгоняя тревожные мысли, он наполнил тяжелую деревянную бадью, стоящую в загоне, насыпал корма курам и уткам, натянул штаны и тенниску, запер дом и быстрым шагом направился к институту. Что делать дальше, нужно было решать вместе с друзьями.

Наши дни

Сегодня вечером Вася шла в театр. Вообще-то она приехала в Москву специально для того, чтобы неделю отпуска потратить на театры, музеи и просто прогулки по старым улочкам внутри Садового кольца.

Москву она знала хорошо и очень любила. Когда-то даже собиралась учиться именно в Москве. Вернее, сначала в ее планах значился Первый питерский мед, который оканчивал дед. В Питере, точнее тогда еще Ленинграде, Вася побывала в пятилетнем возрасте и ничего, кроме фонтанов Петергофа, не запомнила.

В Ленинград ее привезла бабушка, которая мечтала своими глазами увидеть город, в котором родился и прожил

большую часть своей жизни ее обожаемый муж. Сколько потом Вася ни просилась туда, уже учась в школе, столько мать под любыми предлогами отговаривалась, лишь бы не ездить в Питер. Да и бабушка, раз побывав, тоже больше не выказывала ни малейшего желания туда возвратиться. Свое мнение она составила, большего ей не требовалось.

Именно поэтому, заканчивая школу и готовясь поступать в медицинский, Василиса объявила родным, что учиться будет в Питере. И встретила жесткий и решительный мамин запрет.

– В Ленинград ты не поедешь, – сказала как отрезала ее обычно мягкая и ласковая мама.

– Почему? – изумилась Василиса. – Ты же сама туда поступала, почему же не хочешь, чтобы я окончила твой институт? И дедушкин!

– Не хочу, и все, – мама была категорична и непреклонна. – Если тебе так приспичило учиться в столицах, поезжай в Москву. Вот город больших возможностей.

Именно так Вася и сделала. Назавтра после выпускного в школе, где она получила свою заслуженную золотую медаль и аттестат с одними пятерками, сложила в рюкзачок чистое белье, зубную щетку, папку с необходимыми документами, кошелек со скромными сбережениями, которые к ее поступлению накопила мама, натянула поверх заправленной в старенькие джинсы футболки шуршащую непромокаемую курточку, пешком дошла до автостанции в родном Погорелове, где окончила школу и куда каждый день ходила по полям по десять километров в одну и другую сторону, на рейсовом автобусе доехала до райцентра и там села на проходящий поезд Архангельск – Москва.

Мама в тот момент, когда она собиралась, была на работе, а бабушка недоглядела за внучкой, поэтому пакет с заботливо собранными в дорогу пирожками и стеклянной бутылкой молока, заткнутой газетой и завернутой в полиэтилен, так и остался в снях. Хватилась его Вася только в Вологде, когда голодный желудок напомнил о том, что в последний раз она ела утром.

Поезд стоял на третьем пути, бежать в видневшийся вдаль киоск за пирожками было страшно, и Василиса маялась еще четыре часа, пока наконец не случилась большая остановка в том городе, которому по воле судьбы было суждено стать ее пристанищем на долгие годы.

Высочив из вагона, она побежала к видневшемуся невдалеке стеклянному кафе. Конечно, по перрону ходили бабульки, толкающие перед собой детские коляски, доверху наполненные всякой снедью, но к тому моменту Вася была уже голодна так сильно, что мечтала о чем-нибудь более существенном, чем пирожок с чаем.

В привокзальной стекляшке в холодильной витрине стоял заветренный салат из капусты, при виде которого у Василисы помутилось в голове. Она взяла и салат, и холодную, покрытую толстым слоем жира котлету, и два кусочка хлеба, и жареный пирожок с картошкой, и стакан сладкого растворимого кофе с молоком. После чего, урча от наслаждения, стала быстро поглощать все это великолепие, пристроившись за столиком у окна, чтобы видеть поезд, покорно ожидавший ее на первом пути.

Ей было так вкусно, что она решила взять еще одну котлету с хлебом в дорогу, чтобы потом поесть перед самой Москвой и, заселившись в общежитие, уже не думать об ужине. Расплатившись, Вася вышла на крыльцо кафе и не сразу

поняла, что произошло. Поезд, на котором она ехала в Москву поступать в институт, ушел. Первый путь был свободен, и лишь красные огни исчезали вдалеке, расплываясь в непрошенных слезах, наворачнувшихся на глаза.

Положение ее было аховым. Денег в кошельке (какое счастье, что она побоялась оставить рюкзачок без присмотра в купе, а значит, все ее вещи сейчас были при ней) хватало лишь на то, чтобы продержаться в чужом городе во время вступительных экзаменов. Обратный билет домой был куплен заблаговременно и лежал в паспорте. Конечно, купить новый билет до Москвы она могла, но тогда две недели пришлось бы жить в столице впроголодь.

Выросшая в деревне Василиса была хозяйственной и обстоятельной. Вариант две недели питаться хлебом и водой ее не устраивал, поэтому, немного подумав, она не стала покупать билет на следующий поезд, а отправилась искать выход на привокзальную площадь. В городе, в котором она так неосмотрительно отстала от поезда, тоже был медицинский институт. Это она знала еще с той поры, когда листала справочники для поступающих, выбирая вуз и прикидывая, где же ей все-таки учиться. То, что это будет медицинский, сомнений не вызывало, а вот с географией она помучилась изрядно, решая, замахиваться на Москву или все-таки выбрать что-нибудь попроще.

Несмотря на золотую медаль, ее образование в маленькой сельской школе вряд ли могло котироваться в знаменитом московском институте, куда приезжали со всей страны и где, несмотря на падение престижа медицинской специальности, конкурс все равно был достаточно солидным. Сейчас судьба давала ей знак, которым следовало распорядиться осмотрительно. Поэтому, выйдя на автобусную остановку, Ва-

сились Истомина выяснила, как добраться до мединститута, и до конца дня даже успела сдать документы в приемную комиссию и получить направление в общежитие.

Было это тринадцать лет назад. За прошедшие годы Вася не только успела окончить институт и устроиться на работу, но и стала неплохим врачом, пользующимся любовью и доверием пациентов, привыкла к этому городу, выросла в него, обзавелась пусть и однокомнатной, но собственной квартирой и даже перевезла маму с бабушкой, которые теперь жили в такой же однокомнатной квартире в соседнем доме. Расставаться надолго женщины семьи Истоминых не любили.

О том, что в семнадцатилетнем возрасте она отстала от поезда, Василиса не жалела. При ее провинциальной скромности она вряд ли смогла бы так же комфортно устроиться в шумной и опасной Москве. Здесь же уже со второго курса она начала подрабатывать санитаркой в родильном доме, а чуть позже – фельдшером на «Скорой». Уже имея квартиру и постоянную прописку, после института она легко нашла работу в областной больнице, где и прошла интернатуру.

До Москвы с ее заманчивыми огнями было недалеко, поэтому Вася еще в студенчестве часто выбиралась туда – побродить по Красной площади и залам Третьяковки, затаив дыхание, записаться в Библиотеку имени Ленина, постоять на Воробьевых горах, своими глазами увидеть место, где Вольфанд встретился с Берлиозом, где Аннушка пролила масло и где сидела на скамейке Маргарита Николаевна, держа в руках желтые цветы. Василиса знала и любила Москву, но была рада, что живет в более тихом месте. Уж не говоря о том, что о собственной квартире в столице мечтать все равно не приходилось.

Так случилось, что несколько лет назад она заделалась заядлой театралкой. И часто ездила в столицу специально, чтобы посмотреть тот или иной спектакль. В театры Питера она тоже выбиралась, успев полюбить и город на Неве, невидимыми нитями связывающий ее с дедом, которого она никогда не видела.

Василиса нашла улицу Печорскую, на которой когда-то жил Василий Истомина и на которой теперь остался только один дом. По проспекту Непокоренных добралась до Пискаревского кладбища, пытаясь представить, как все здесь выглядело в далеком сорок первом году, когда дед отправлялся на фронт.

В общем, она теперь любила обе российские столицы, но Москва была ближе, поэтому туда она ездила чаще. Вчера Василиса с удовольствием погуляла вокруг своего мини-отеля на Чистых прудах, сегодня с утра съездила в Центр современного искусства к метро «Баррикадная» и теперь собиралась в Театр имени Маяковского на спектакль «Маэстро».

Она как раз гладила юбку, которую собиралась надеть, когда зазвонил телефон.

– Алло, — прижав трубку к уху, она продолжала гладить, машинально отметив, что высветившийся на экране номер мало того что незнакомый, так еще и московский.

– Истомина Василиса Александровна? — Голос был тоже незнакомый, хриплый, с ленцой и протяжным аканьем, выдающим московское происхождение звонящего. В родной Вологодской области, где она родилась и выросла, к примеру, окали, и Василисе понадобилось немало времени, чтобы вытравить из собственной речи родной с детства диалект.

– Да... — Василиса вдруг испытала легкую тревогу, хотя в голосе вроде не слышалось угрозы.

– Транспортная полиция вас беспокоит. Вы могли бы подъехать к нам, чтобы ответить на наши вопросы?

– Какие вопросы? – изумилась Василиса.

– Ну, к примеру, откуда вы узнали, что в лесу у деревни Авдеево произошло убийство?

– Что??? – Васе показалось, что она ослышалась. – Какое убийство?

– Василиса Александровна, вчера вы сообщили начальнику поезда Архангельск – Москва, что увидели тело, лежащее в лесу...

– Да, но я не знала ни о каком убийстве. Я просто увидела в окно человека и решила, что ему плохо. Вот и все.

– Вы считаете, что в это возможно поверить? Вы Агату Кристи начитались, уважаемая Василиса Александровна?

– При чем тут Агата Кристи? – Вася начала сердиться.

– Это у нее в каком-то детективе героиня увидела в окно поезда, как в идущем рядом составе кого-то убивают. Видеть тело вы не могли, но о том, что оно там, все-таки сообщили. Кто вам приказал это сделать?

– Да никто мне ничего не приказал! – вконец рассердилась Василиса. – Я действительно увидела, что в лесу лежит человек. – Она хотела рассказать про детскую игру в гляделки, помогающую увидеть гриб, но поняла, что об этом говорить не стоит. Ее не поймут и примут за сумасшедшую. – Конечно, я не сразу поняла, что увидела. Мне понадобилось время, чтобы мозг зафиксировал, что там лежит человек. Я врач и была уверена, что ему плохо. Вы можете мне не верить, но это действительно так. И вообще, откуда у вас мой телефон?

Задав этот вопрос, она тут же вспомнила, что давала свои координаты начальнику поезда, который не хотел возможных неприятностей, а потому «перевел стрелки» на нее.

– Нам нужно снять с вас показания, – с прежней ленцой произнес голос в трубке. В его исполнении это прозвучало как «па-а-казания». – Если вы не согласитесь прийти к нам добровольно, то вас вызовут повесткой по месту вашего жительства. Но поверьте, это будет хуже.

– Да я вовсе не собираюсь прятаться от правосудия, – заверила Василиса. – Мне совершенно нечего скрывать. Сегодня я иду в театр, поэтому готова приехать по указанному вами адресу завтра с утра. В Москве я планирую пробыть еще три дня, так что вы сможете задать мне все интересующие вас вопросы. Кстати, а можно мне задать один вам?

– Задавайте, – разрешила трубка.

– Вы сказали, что в том лесу произошло убийство. А кого убили?

– Да какого-то режиссера, – говорящий отвлекся и, видимо, прикрыл трубку рукой, отвечая кому-то на другой вопрос. – Режиссера убили, – повторил он, вернувшись к разговору с Василисой. – Из провинции. Вахтанг Багратишвили его звали. Говорит вам о чем-нибудь это имя?

Трубка выпала из похолодевших Васиных пальцев, стукнула по ламинатному гостиничному полу. Отвалилась крышка, выскочила батарейка, и голос из трубки пропал, провалившись в бездонную черную глубину, куда в тяжелом обмороке проваливалась и Василиса. Имя Вахтанга Багратишвили говорило ей об очень многом.

ГЛАВА 2

Платочек в красный горох

*Никогда не нужно искать
причины ненавидеть, если есть
основание любить.*

Лара Фабиан

1941 год

Василий лежал под раскидистыми лапами мохнатой ели и безуспешно пытался заснуть. Под шинелью, которой он кое-как укрылся, было холодно, и он предпринимал отчаянные попытки расслабиться, чтобы хоть немного согреться. Однако сведенные многодневной ходьбой и ежеминутной опасностью мышцы задеревенели так, что не пропускали кровь бежать по жилам. Единственное, в чем он преуспел, — это в стремлении унять нервный стук зубов.

В окружение его часть попала практически через две недели после того, как их отправили на фронт. Уже почти два месяца они пытались прорваться к своим, аккуратно пробираясь в лесной чаще и обходя стороной деревни, в большинстве из которых слышалась немецкая речь. Да что там в деревнях! Несколько дней назад, точно так же расположившись на ночлег под деревьями, он и его помощник, фельдшер Игнат, проснулись от той самой немецкой речи, которая доносилась из-за ближайших кустов. Сделав Игнату знак молчать, Василий неслышно подполз поближе, чуть раздвинул ветви и увидел двух немецких солдат, спокойно куривших у обочины

проселочной дороги и неспешно разговаривающих об оставленных дома семьях.

Солдат постарше тревожился, что его дочь влюбилась в неподходящего человека и в его отсутствие они могут справить свадьбу. Тот, что помладше, горевал, что его жена должна вот-вот родить, и нехорошо, что это произойдет, когда мужа нет дома. Василий свободно понимал все, что они говорят, и в очередной раз добрым словом помянул Генриха и Анну. Анну... Не дав мысли зацепиться за дорогое имя, он так же неслышно вернулся к Игнату и дал ему знак замереть. После недолгого перекура солдаты двинулись дальше по дороге, и только после этого Василий немного расслабился. На этот раз опасность миновала, но до тех пор, пока они не выйдут из окружения, она подстерегала за каждым кустом.

Продукты практически кончились, спасала лишь картошка, которую они втихаря подкапывали на пустующих колхозных полях. Панические настроения вспыхивали вокруг все чаще. Кто-то поговаривал о том, что надо сдаваться на милость врага, чтобы наконец по-человечески поесть. Кто-то, пользуясь возможностями, которые даровали короткие стоянки, закапывал документы, в первую очередь военные и партийные билеты. Срывались с шинелей и гимнастерок офицерские ромбы, бросались в лесу. Коммунисты, комиссары, евреи... Им грозил неминуемый расстрел, поэтому каждый как мог избавлялся от того, что могло выдать его партийную, национальную или сословную принадлежность.

Шинель Василия Истомина была цела. Лейтенантские знаки отличия располагались на ней там, где им и было положено. Военный и партийный билеты (а в партию он вступил еще в институте) лежали во внутреннем кармане, завернутые в вощеную бумагу. Закапывать документы и срывать знаки

отличия было... неправильно, а Василий Истомин никогда не нарушал правил, чего бы они ни касались.

Сейчас, будучи не в силах заснуть, то ли от холода, то ли от нервного перенапряжения, он вспоминал, как двадцать второго июня прибежал в институт, где встретил у входа своего закадычного друга Анзора Багратишвили, с которым за годы учебы стал просто неразлейвода.

Красавец-грузин, весельчак и балагур, любитель женщин и красного вина, он уверял, что является потомком знаменитого рода Багратионов. Под байки про главного наперсника Кутузова сложил свою защитную броню не один десяток лучших красавиц института, а рассказ про сокровища Наполеона, зарытые Багратионом по пути из Москвы в Смоленск, заставлял замирать, открыв рот, даже именитых профессоров, забывавших ради этого лекции про брюшной тиф или хирургию в военно-полевых условиях. Анзора любили и студенты, и преподаватели. Он был честный, смелый, открытый человек с ясным светом невообразимых ярко-синих глаз, которые было странно видеть у грузина.

– Ну что, в военкомат? – то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал Василий, и Анзор согласно кивнул.

– Да, я сразу туда собирался, а потом решил, что вместе, наверное, сподручнее будет. Так и знал, что ты тоже сюда придешь.

Впрочем, надеждам, что их, быть может, отправят служить вместе, не суждено было сбыться. Двух молодых врачей, только-только получивших дипломы о высшем образовании, откомандировали в разные части. Анзору надлежало явиться в свою завтра утром. Васе – сегодня вечером.

– Ну что, друг, попрощаемся? – с показной бодростью спросил Василий, когда они снова очутились на залитой сол-

нечным светом, невообразимо мирной летней улице. — Ты пиши мне, что ли.

— Напишу, Васька! — В голосе друга вдруг послышалось отчаяние. — Ты живи только, слышишь? Мы обязательно должны вернуться. Мы же еще и не жили по-настоящему. Не любили. Сына не воспитали. Дом не построили. Дерево не посадили.

— Ну да, кто-то еще не стал великим хирургом, — Василий шуткой попытался выдать из горла застрявший там ком. — Я же помню твои наполеоновские планы.

— У Багратионов не может быть наполеоновских планов, — тут же отозвался Анзор. — Кстати, Вася, есть еще одно дело. Помнишь, я рассказывал про сокровища Наполеона?

— Конечно, помню, эту твою байку весь институт слышал не по одному разу.

— В общем, были сокровища или нет, я не знаю, это пусть историки разбираются, — перейдя на торопливый шепот, продолжил Анзор. — Только в нашей семье всегда хранились серебряные монеты восемнадцатого века. Дед говорил, что они как раз от Багратиона остались. Когда я в Ленинград учиться поехал, отец мне их передал. Они у меня все эти годы в общежитии лежали. Не на видном месте, конечно. А сейчас мне в армию уходить, не с собой же брать на войну. Васька, давай я их у тебя оставляю. Закончится война — отдашь.

— Не знаю, — в голосе Василия послышалось сомнение. — Я ведь тоже сегодня ухожу. А родителей дома нет, они в Белоруссию уехали, не знаю, как там они с бомбежками этими. Вернутся, найдут, не поймут, что к чему. Не записку же им оставлять. Вдруг на чужие глаза попадет.

— Может, в огороде закопать?

– Анзорка, ну сам подумай, а вдруг Ленинград бомбить будут, как Киев бомбят, как Гродно и Брест? Разрушится дом, как потом сокровища твои искать.

– Так что же делать? – Друг заметно приуныл.

– Вот что! – решительно сказал Василий. – Поехали, у Генриха оставим. У него легкие слабые, его в армию точно не возьмут, так что у него и спрячем. Ты не думай, Битнеры – люди очень порядочные, чужого себе не возьмут, окончится война, вернут тебе твои монеты обязательно.

– Да я и не думаю, – пожал плечами Анзор, – с фронта еще живым вернуться надо. Да, ты прав, так будет лучше всего. Поехали к твоему Генриху.

Сквозь начинающий наваливаться сон Василий вспоминал, как они вдвоем с Анзором уговаривали Генку оставить у себя тугую колбаску с монетами. Их было три десятка. Развернув колбаску, Анзор вытащил на белый свет одну монету и показал друзьям.

– Рубль тысяча семьсот двадцать седьмого года, – горделиво сказал он. – На аверсе Петр Второй. Это так называемый московский тип. Видите, у Петра на груди три короны. Чистое серебро. Весит около тридцати граммов.

– Дорогие они? – боязливо спросил Генрих. – Страшно вато за такое на себя ответственность брать.

– Да не дрейфь ты! – Анзор хлопнул его по плечу. – Живы будем, не помрем. Ладно, ребята, я пошел, мне еще на телеграф надо сбегать, родителям в Тбилиси телеграмму отбить. Счастливо тебе, Васька!

– И тебе счастливо. – Василий нетерпеливо повернулся к уходящему другу спиной. – Генка, мне в часть сегодня. Мне бы с Анной попрощаться. Дома она?

– Нет, – Генрих огорченно свесил белокурую голову. – У подружки с ночевкой осталась. Ты не думай, Васька, я ей все передам.

– Мне бы на память о ней что-нибудь, – с тоской сказал Василий, понимая, что перед отправкой на фронт не увидит до слез любимое, прекрасное лицо Анны. – Ген, очень надо, правда!

– Сейчас... – Генрих на минуту задумался, потом сбегал в другую комнату и принес Васе небольшую фотографию, с которой задорно улыбалась Анна, и шелковый платочек, красный в белый горох, который девушка любила надевать поверх белой кружевной блузки. – На, возьми.

– Заругается, поди, Анна, что ты мне ее любимый платочек отдал.

– Разберусь, – Генрих тихо засмеялся. – Тебе нужнее, ты на фронт идешь, – он снова стал серьезным. – Вася, ты вернись, пожалуйста. Мы тебя будем ждать. И я, и Магда, и родители, и Анна.

– Постараюсь, – улыбка, которую попытался изобразить на своем лице Вася, вышла немного кривой. – Вот еще, Генка, если все будет хорошо и мои вернутся, ты им передай, что я на фронт ушел, хорошо? Я тебе писать буду, так что держи меня в курсе дела. Обещаешь?

– Обещаю, – ответил Генрих, и друзья на прощание обнялись.

Вернувшись домой, Василий быстро собрал рюкзак со всем необходимым, бережно расправил внутри военного билета фотографию Анны, аккуратно сложив, спрятал в нагрудном кармане красный платочек в горох.

«Кто ж скотину кормить будет? – подумал он, пожалев о том, что не догадался договориться об этом с Битнерами. – Эх, плохой я хозяин».

Немного поразмышляв, он не придумал ничего иного, как выгнать свиней и кур в палисад, чтобы не сдохли с голоду на запертом дворе, щедрой рукой разбросал вокруг корм, спустил с цепи старого верного пса по кличке Полкан, напоследок потрепал его по холке, после чего повернул в замке ключ и ушел, не оглядываясь, с рюкзаком на плечах. Для военврача Василия Истомина начиналась новая, военная жизнь. Беспощадная к тем, кого он любил. Беспощадная к его родному Ленинграду. Беспощадная ко всей стране.

Наши дни

Сидя на краешке неудобного жесткого стула в кабинете городского УВД, Василиса нервно теребила в руках мокрый носовой платочек. После ужасного сообщения о гибели Вахтанга отпуск, конечно же, накрылся медным тазом. Отправляясь в управление транспортной полиции, она надеялась, что полученное известие окажется неправдой, страшным сном, что увиденный ею в лесу человек жив, и уж в любом случае это не Вахтанг, любовницей которого она была когда-то и с которым год прожила как гражданская жена.

Но Вахтанг действительно был мертв. Убит. И его тело в полном соответствии с заявлением Василисы нашли в перелеске у деревни Авдеево с признаками насильственной смерти. Точнее, Вахтанг Багратишвили был убит ударом топора, от которого его череп раскололся надвое, как переспелый арбуз. Как сообщил заревавшей Василисе вчерашний полицейский, все так же протяжно растягивая слова на букве «а», дело будет расследоваться по месту жительства убитого, то есть в том городе, в котором жила и Василиса.